

Илмир Колдашев

Родился в 1973 году в г. Андижанс (Узбекистан).

Руководитель физического воспитания Тарского медицинского колледжа. Публиковался в коллективных поэтических сборниках и периодических изданиях Тары, в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне».

Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

О ДУШЕ

Как-то мне надумалась такая история: допустим, лежу я на смертном одре (ну пусть в хирургической операционной пока), и нет ни медработников, ни санитаров. И вот мои ощущения наплывают, и кажется, ничего больше не надо от жизни. И сам уже осознаёшь, что никому, да и себе ты как бы уже не принадлежишь и не нужен. «Накрывает» иное чувство взамен твоего – внутреннего себя, своего эго, своего собственничества. Вдруг становится близким и родным то, что раньше казалось не очень. И появляется проблема – дефицит родной души, словно обостряются чувства. Судорожно начинается поиск чего-то родного. И неожиданно ты вдруг с удивлением замечаешь: совсем рядом, на таком же металлическом столе, лежит худое тело, наверное, молодой женщины. И ты согласен породниться, чтоб не быть твоей душе в одиночестве. И словно испытываешь к ней жалость, когда улавливаешь её мысли, в которые ты полностью погрузиться не можешь. В них какие-то свои личные проблемы – то ненависть к кому-то, то любовь, то она прокручивает ситуацию, возможно, приведшую её к гибели. А тебе уже хочется её позвать с собой: «Давай полетим неведомо куда, к свободе, растворимся в ней». Лишь бы не остаться здесь, в этой уютной комнате беспомощными. Стираются грани того, где был и кем был при жизни. Желание у всех одно – хочется породниться, хоть с кем-нибудь, отбросить балласт ненужного внутреннего, плохого, накопившегося.

И уже нет той разницы, которая разделяла при жизни. На смену приходит иное ощущение чувства любви, уже неважно к чему, кажется, ко всему. И вдруг начинаешь чувствовать ответное – а это душа лежавшей рядом девушки начала сама уже искать родное для себя, отрешившись от своих земных проблем. Она пытается понять мою душу, вызывающую её к безусловно чистой любви и открытости. Но в ней ещё теплится жизнь, стало быть, какие-то эмоции не оставляют её, это заметно по её нерешительности, и наша встреча на этом обрывается.

В комнате с белыми стенами начинают нарастать какие-то звуки – видимо, стоны тех, кто ощущал перед смертью физическую боль, потрясения. Звуки перерастают в сплошной шум, сливаясь в один протяжный гул, и вдруг душа той девушки, что рядом, испугавшись, мечется, начинает искать что-то спасительное. Мгновение – и над её телом начинает проявляться что-то, напоминающее белый туман.

Гул переходит уже в вой, и будто всё вокруг начинает ускоренно вращаться, кружиться и трястись. И это, верно, первая стадия окончательного выхода души из тела. Затем начинает закладывать уши. И тут вроде уже всё должно закончиться, но нет. Страх приходит на смену чувству невесомости, появляется непреодолимое желание вернуться в собственное тело. Но тело будто уже стало чужим, оно лежит неподвижно, как одежда, без которой не хочется быть.

Холодно, нарастает желание одеться, но оно, тело, не слушается тебя, остаётся неподвижным. Сопротивляться пространству бесполезно. Неимоверным усилием заставляешь себя пошевелить пальцами, тебе это не удаётся. А через какое-то время ты видишь, как к твоему телу подлетают странные существа, в каких-то облачных одеждах. Смутно различаешь в них знакомые лица. Существа поддерживают тебя, увлекая куда-то вверх, унося в небо. Становятся видны туманные очертания какого-то корабля, белоснежные паруса которого начинают разрастаться, словно облако. Но в вышине над

ним появляется золотой шар яркого тёплого сияния. При появлении его вдруг исчезают существа, похожие на ангелов, с лицами родных тебе, умерших в прошлом людей. Они уносятся в неохватную синюю высь на «облачном корабле» и тоскливо, щемяще жаль, что остаёшься вновь неприкаянно одиноким.

В ушах ощущается шум, явно что-то изменилось. Я пытаюсь сделать вдох, получается робко и неуверенно. Но я уже чувствую жизнь, свежую энергию, входящую в тело при каждом вдохе. Я не понимаю, радоваться мне или жалеть, но я жив, я будто просто летал.

И мой внутренний голос мне вдруг говорит: «Смерти нет!»